

Русский перфект как лингвокультурный феномен

Т.Д.Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет

*модальность, перфект, претерит, русский литературный язык,
семантический синкретизм, темпоральность*

По словам А. Бергсона, "...как талант художника <...> изменяется под влиянием самих создаваемых им произведений, так и каждое наше состояние, исходя от нас, в то же время меняет нашу личность", так и этнос в процессе языкового творчества творит себя, потому что "в известной мере, мы суть то, что мы делаем" [Бергсон 2006: 44].

Человек как творящий субъект уникален. И он творит не только физически, непосредственно воздействуя на материю, – он творит ментально, духовно, преобразуя окружающее пространство в процессе переживания и осмысления всего, что воспринимает и ощущает. Незавершённое, равно как и завершённое в этом процессе человек передаёт потомкам в виде языковых фиксаций, позволяющих соблюсти преемство смыслов, оценок и переживаний. При этом подвижность языкового знака обеспечивает свободу сознания, которое развивается, познавая и творя. А познавая и творя, – преобразует природу [Бергсон 2006: 257]. Только осознание этносом собственного творческого статуса освобождает мысль от раз и навсегда заданного круга и направляет её из прошлого в будущее. В то будущее, которое точно предсказать невозможно, как невозможно точно предсказать творчество. Поэтому и время непредсказуемо. Можно прогнозировать, что приблизительно будет, но нельзя предугадать когда.

"Если вообще возможно, чтобы народ создал такой язык, в котором максимально осмысленное и образное слово порождалось бы созерцанием мира, воспроизводило бы в себе чистоту этого мирозерцания и благодаря совершенству своей формы получало возможность с предельной лёгкостью и гибкостью входить в любое сцепление мыслей, то этот язык, пока он хоть сколько-нибудь хранил бы своё жизненное начало, непременно должен был бы вызывать в каждом говорящем взлёт той же духовной энергии, действующей в том же направлении. <...> Есть такие пути духа, есть такие порывы интеллектуальной силы, которые немислимы прежде возникновения подобных языков" [Гумбольдт 1984: 67]. Поэтому "решающим в отношении достоинств и недостатков того или иного языка является не то, что способен выразить данный язык, а то, на что этот язык вдохновляет и к чему побуждает..." [Гумбольдт 1984: 329].

Древний период русского языка характеризовался тем, что образование новых слов и форм осуществлялось, как говорили первые русские грамматисты, путём "наращения складов", то есть путём префиксации или суффиксации. В то время отсутствовали и способ нулевой суффиксации (как способ "отсечения складов"), и усечение как морфонологическая особенность русского словообразования, и конфиксация (одновременное осложнение основы слова в пре- и постпозиции). Для этого нужна была иная, более высокая степень языковой абстракции. Основной единицей текста в условиях языкового синкретизма была синтагма, и многие процессы, в том числе и процессы формообразования, развертывались по синтагматической оси. В частности, синтезированный перфект как новая актуальная форма мог возникнуть только в период разрушения семантического синкретизма языковых единиц, в ходе которого происходило укрепление языковой парадигматики. При этом также нужно было, чтобы в языке произошли изменения, связанные с развитием и сменой типа мышления носителей языка в ходе разрушения языкового синкретизма. Синтезированный перфект был одним из средств сжатия (компрессии) текстовых синтагм в слово. При этом имела место некоторая идиоматизация структуры формы: значение

нового (синтезированного) перфекта оказывалось неравным простой сумме значений компонентов исходной аналитической формы. Новый перфект, таким образом, стал семантически обновлённой формой с элевым причастием в качестве смысловой доминанты, а в качестве непосредственного мотиватора подобного процесса ресемантизации в каждом конкретном случае выступали контекст и художественная установка текста в целом. Определённую роль в данном явлении сыграло и влияние устной речевой традиции.

По мнению П.В.Петрухина, в типологической перспективе у древнерусского перфекта всегда была "предрасположенность" к развитию эвиденциальной семантики и соответствующей модернизации формы [Петрухин 2004]. Однако, с нашей точки зрения, своеобразная "экспансия" перфекта – это ещё и культурологический феномен, так как действия, обозначаемые формами перфекта в текстах книжных жанров, – это действия, находящиеся в аксиологическом фокусе повествования (или поучения). Поэтому типологическая заданность – это предпосылка, а не причина известной версии развития перфекта в истории русского языка. Причина здесь имеет экстралингвистическую природу.

Исследуя древнерусское летописание, П.В.Петрухин совершенно точно замечает, что нередко формы перфекта используются русскими летописцами для обозначения уже известных читателю событий [Петрухин 2004: 315-316]. В этом смысле перфект обозначает события, не относящиеся к наиболее коммуникативно значимым. Однако известность не делает обозначаемые действия менее значимыми в аспекте аксиологии. И именно аксиологический потенциал перфекта, его дискурсивная семантика вместе с его типологической "программой" выталкивает перфект на передний план как универсальный претерит. В книжном древнерусском стандарте перфект используется как форма, позволяющая придать особый ценностный статус тому или иному действию, включённому в нарративную последовательность. В связи с этим, в частности, "перфект – как результативный, так и нерезультативный – часто имеет суммирующее значение, представляя события не так, как они происходили во времени, а так, как они отражены в памяти" [Петрухин 2004: 320-321].

Унаследованные от праславянского модальные семантические пласты в восточнославянском перфекте [Петрухин 2004: 321] актуализировались тогда, когда появился социальный заказ языку: отразить семантику Вечности относительно привычного для человека времени. Перфект оказался единственной глагольной формой, которая могла служить для передачи темпоральных, модальных и эвиденциальных смыслов, причём формой, которая могла бы передать "внеглагольность", "вневременность" Вечности.

Перфект славяно-русских Прологов – это результатив, инферентив и адмиратив. Причём нередко формы перфекта функционируют как синкреты, когда форма результата, скажем, используется и в инферентивном значении в том случае, если имеющиеся в момент речи косвенные следы ситуации столь очевидны, что позволяют однозначно сделать ввод о том, что ситуация имела место. Текстовое функционирование претеритных форм в исследуемых Прологах не оставляет сомнений в том, что реализация эвиденциальной семантики осуществляется не только с помощью форм перфекта, но и с помощью всей претеритной парадигмы, в рамках которой наблюдаются известные функционально-семантические оппозиции. В частности, к примеру, в оппозиции к перфекту функционирует плюсквамперфект, формы которого нередко реализуют значения презумптива.

Текстовое функционирование древнерусского перфекта выводит на передний план наличие аксиологического статуса действия, с одной стороны, и наблюдателя, для которого результат действия является достоверным – с другой. Таким наблюдателем может быть персонаж, в репликах которого используется перфект, либо собственно повествователь, либо Бог, как высшая инстанция, которой известно всё.

Древнерусский перфект функционирует как средство выражения эвиденциально-модальных смыслов именно в составе подсистемы претеритов и, в первую очередь, в текстах, принадлежащих книжным жанрам. При этом, как это ни парадоксально, превращаясь всё более и более в повествовательное время благодаря устной традиции и теряя парадигматические значения благодаря превращению в универсальный претерит, перфект теряет и свою эвиденциально-модальную уникальность.

Однако собственно семантическое обновление перфекта шло в направлении усиления аксиологических и эвиденциальных компонентов. Перфект обозначил наработанное в прошлых действиях качество. Такая постановка формы прошедшего времени как бы вне подсистемы личных глагольных форм фокусирует внимание на настоящем (как точке отсчёта) и будущем (как точке, в которую направлен вектор).

Разрушенный перфект, таким образом, – это не результат процесса, а его симптом. Симптом вывода перфекта из прежней парадигмы, вывод его из оппозиционных отношений с личными формами, нейтрализация оппозиций по признаку лица – вывод семантики прошедшего времени из темпорального пространства, где остаётся лишь настоящее и будущее, а прошедшее присутствует исключительно в виде качественного результата прошлых действий.

Литература

Бергсон А. Творческая эволюция.- М.: Кучково поле, 2006.- 384 с.

Гумбольдт В.ф. Избранные труды по языкознанию.- М.: Прогресс, 1984.- 400 с.

Петрухин П.В. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность.- М.: Гнозис, 2004.- С. 313-329.